

мять занимала одно из центральных мест, являлась многоуровневым феноменом, в котором все события были «рассортированы» в зависимости от древности, близости к «святым местам», длительности почитания, чудотворности и т.п. Но при этом память создавала мировосприятие, которое осознавалось его носителями как целостное и непротиворечивое. Поддержание православной памяти становилось значимой составной частью повседневной деятельности институтов Русской Православной Церкви.

Верующие никогда не сомневались в способности человека полноценно воссоздавать картины прошлого, формировать вполне адекватное представление об историческом пути, пройденном православным приходом, монастырем, отдельной территорией и всей Церковью в тот или иной период. В то же время *совокупность фактов, хранящихся в памяти, всегда является результатом перманентной интерпретации образов прошлого*. Память стала одной из форм адаптации мирского, связанного с повседневными заботами, крестьянского обихода к сакральному миру. При этом воспоминания о далеком или близком прошлом вполне поддавались коррекции: структура православной памяти создавала широкие возможности для религиозного творчества, переосмысления прошлого и, в частности, для существования «народного православия» — особого явления русской религиозной жизни, в котором православие объединялось с дохристианскими верованиями.

Таким образом, в изучаемый период на духовенство возлагался обширный круг обязанностей, связанных с совершением треб, ведением разнообразной приходской документации. Сложным, в том числе и в церковно-административном отношении, оставалось поддержание памяти о событиях церковной истории. Ситуация осложнялась многочисленными приходскими традициями, одни из которых вполне поддерживались законодательством, а другие шли вразрез с ним. В целом местному духовенству приходилось учитывать как требования закона, так и пожелания прихожан. Тяжкий груз священнических обязанностей дополнялся непростыми трудами за пределами храма. Рассмотрим этот круг вопросов подробнее.

§ 5. Прихожане и белое духовенство: взаимоотношения вне храма

Взаимоотношения прихожан и белого духовенства не исчерпывались исполнением «мирских треб» и обеспечением клира. В XVIII–начале XX в. сохранялась еще одна сфера, в которой соприкасались интересы церковников и прихожан. Подобно тому, как церковное

здание использовалось и для мирских, и для богослужебных целей³⁸³, клир оставался существенной частью институтов власти сельской общины, выполняя порой самые сложные и деликатные поручения крестьян. В Олонецкой епархии в течение всего XVIII в. сохранялось отмеченное С.В. Юшковым³⁸⁴ использование храмов для собраний сугубо светского характера. Это явление сохраняло массовый характер: в 1802 г. епископ Олонецкий и Архангельский Вениамин «промеморией» обращал внимание губернатора на явное нарушение законодательства: «в церковных трапезах крестьяне в праздничные дни после священнослужения производят разбирательство мирских дел; а как для таковых сходбищ учреждены особливые станции, то я многократно священникам внушал, чтобы они такового шуму при церквах не допускали, однако ж без вышнего начальства сего сделать невозможно»³⁸⁵. В целом «формирующаяся сельская интеллигенция была вынуждена корректировать свои действия в соответствии с требованиями крестьянского сообщества»³⁸⁶.

Материалы второй половины XVIII в. проливают свет на некоторые причины лояльности священников. В частности, это сохраняющаяся возможность изгнания клириков из приходов. Праву отказа духовенству, или, по терминологии источников, «перемене» церковников в законодательстве уделено значительно меньшее внимание, чем проблеме выборов священно- и церковнослужителей. Лишь распространившаяся в России практика бесцеремонного изгнания церковников из приходов вынудила Синод оговорить этот вопрос в особом указе. В 1746 г. Синод обнаружил, что прихожане «даже за малые провинности и самоволием своим их, священников, от церквей отрешают, не имея над ними никакой власти». Указ Синода требовал предварительно согласовывать такие вопросы с церковным начальством³⁸⁷. Анализируя дела о конфликтах между духовенством и прихожанами, необходимо учитывать, что использование права отказа или, проще говоря, изгнание клириков всегда оставалось крайней,

³⁸³ См. об этом подробнее: *Пулькин М.В.* Традиции внебогослужебного использования церковных зданий в XVIII в. // Секуляризационные процессы и христианская цивилизация. СПб., 1995. С. 26–27.

³⁸⁴ *Юшков С.В.* Очерки из истории приходской жизни на Севере России в XV–XVII вв. СПб., 1913. С. 12.

³⁸⁵ ГААО, ф. 29, оп. 4, д. 446, л. 1.

³⁸⁶ *Илюха О.П.* Школа и детство в карельской деревне в конце XIX–начале XX в., с. 27.

³⁸⁷ ПСПиР. СПб., 1909. Т. 3. № 980.

трагической и для прихожан, и для церковников мерой воздействия. К ней обращались только в тех случаях, когда привычные способы не срабатывали. Диапазон мер, к которым прибегали разгневанные прихожане, весьма широк. Во-первых, нередко применялись чисто экономические способы воздействия: лишение руги и (или) земли. Ниже ситуации подобного рода будут рассмотрены подробнее. Ограничимся на данном этапе лишь одним примером. Олонецкое духовное правление в «сообщении», поступившем в 1788 г. в Олонецкую нижнюю расправу, указывало, что крестьяне Лоянского прихода после ссоры со священником перестали «пущать» иерея «в леса за ягодами, грибами и волнухами <...> и для рупки дров, и на хормное строение лесов оне ж, крестьяне, их допускать не хотят, при том же и скота, как лошадей, так и роговку, с пастухами в леса пущать запрещают»³⁸⁸. Во-вторых, в XVIII в. нередко неугодных священников избивали. Приведем один, достаточно характерный пример. Поповский староста Матфей Григорьев в 1772 г. указывал в доношении Синоду, что был «призван» для «исповедания» священника Пидмозерской церкви Антонова. Сам факт такого «призвания» говорит о тяжелой, опасной для жизни болезни. Священник Антонов поведал о причинах недуга: староста и крестьяне «из святого алтаря до пяти раз на церковь взтаскивали и били в церкви лошадиными плетью смертельно»³⁸⁹. Исход дела неизвестен. Синод распорядился разобраться и донести о результатах³⁹⁰. В-третьих, не только действия прихожан, но и их молчание в критический момент становились серьезным испытанием для церковников. Так, в 1779 г. крестьяне Амвросиевы захватили землю, отведенную «миром» священнику Шунгского прихода. Священник сопротивлялся, и конфликт приобрел довольно острый характер. Как видно из промемории Олонецкой нижней расправы, «жена ево, священника, Наталья Александрова, хотя в Шунской земской избе при народном собрании и просила, чтоб защитили, но в том ей отказали и защиты никакой не учинили». Неудивительно, что после этого и сам священник «в приход ходить стал крайне опасен, чтоб смертельного убивства ему не приключилось»³⁹¹.

Вторая, помимо различных форм насилия, и более существенная причина компромиссов духовенства и прихожан связана с особой ролью священников в повседневной жизни крестьянского мира. Значи-

³⁸⁸ НА РК, ф. 584, оп. 6, д. 10/211, л. 1, об.

³⁸⁹ РГИА, ф. 796, оп. 53, д. 197, л. 1, об.

³⁹⁰ Там же, л. 6.

³⁹¹ НА РК, ф. 584, оп. 3, д. 15/193, л. 1.

тельная роль клира в решении сугубо светских вопросов видна из законодательного материала конца XVII–XVIII в. С одной стороны, как отмечает М.М. Богословский, законодатели уже в конце XVII в. стремились запретить священно- и церковнослужителям участвовать в составлении документов сугубо светского характера³⁹². С другой стороны, в начале XVIII в. священники щедро наделялись далекими от богослужения, скорее, полицейскими функциями. Так, согласно именному указу Петра Великого от 17 мая 1722 г. священники получили предписание доносить об открытых на исповеди «преднамеренных злодействах» в том случае, если исповедывающиеся «в них не рассказали и намерения своего совершить не отложили»³⁹³. Законодательство второй половины XVIII в. также содержит двойные нормы в вопросе о роли духовенства в российском обществе. Священно- и церковнослужителям, согласно указу от 15 января 1767 г., строжайше запрещалось «прикладывать руки» к крестьянским прошениям и «пашпортам», но разрешалось участвовать в светских делах по требованию начальства³⁹⁴. В целом законодательство вовсе не было нацелено на то, чтобы вынудить священно- и церковнослужителей отказаться от мирских дел и заняться исключительно заботой о душах прихожан. Наоборот, предполагалось, что участие клириков в решении административных задач станет еще более активным. Круг этих задач невелик, а привлечение белого духовенства к их решению в идеале должно было ограничиваться теми случаями, когда это считали необходимым представители светской власти.

Позиция прихожан аналогична. Жизнь вынуждала крестьян обращаться к церковникам при разнообразных обстоятельствах, в том числе и далеких от богослужения. Верующие нуждались в поддержке свыше, Божьей помощи во всех их делах, в том числе повседневных заботах. За получением ее они обращались в церковь к приходскому духовенству. Речь, таким образом, шла не о том, будет ли духовенство заниматься исключительно церковными делами, не обращая внимания на проблемы, далекие от богослужения или таинств. Проблема заключалась совсем в ином. Предстояло согласовать две тенденции: традиционное привлечение духовенства к участию в деятельности институтов власти сельской общины и возрастающую роль церковников в решении тех задач, которые стояли перед чиновниками разных урочней.

³⁹² *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 2. С. 32.

³⁹³ ПСЗ-1. Т. 6. № 4012.

³⁹⁴ Там же. Т. 21. № 15 143.

Имеющиеся источники убедительно свидетельствуют о том, что местные власти постоянно апеллировали к авторитету духовенства в разнообразных затруднительных случаях. Порой роль священно- и церковнослужителей оставалась несложной. Им надлежало довести до сведения населения важнейшие указы, необходимые для урегулирования конфликтов. Так, судя по рапортам церковников во время Кижского восстания приписных крестьян в 1769 г., заводское начальство поручило клирикам «при старостах и при всех мирских людях» читать указ, содержащий требование оставить «противности» и приступить к работам³⁹⁵. В ряде случаев священно- и церковнослужители давали показания, необходимые для расследования запутанных дел. Именно их свидетельства при этом нередко становились решающими. Так, в 1784 г., как видно из журнала Каргопольского нижнего земского суда, в этот орган власти для утверждения явились несколько претендентов на одну должность старосты, каждый из которых предъявлял «выбор» от крестьян и считал себя единственным избранныком. Суд постановил обратиться к местному священнику, который сразу прояснил ситуацию. Оказалось, что «все “выборы” написаны большей частью пьяными крестьянами, которые даже до такого непорядка доходили, что кричали вслух: “кто больше даст вина, тот и будет старостою!”»³⁹⁶. Определить, кто же дал больше, особенно после того как все было выпито, оказалось непросто. Поэтому на всякий случай желанные документы получили абсолютно все претенденты.

В большинстве случаев священник становился не пассивным участником событий, а, наоборот, главным действующим лицом, призванным контролировать принятие решений, которые относились к числу наиболее существенных в жизни крестьян. Иногда чиновники поручали духовенству заверять решения сходов. Например, директор олонечкой экспедиции домоводства³⁹⁷ А. Ушаков в 1786 г. приказывал подведомственным крестьянам «при разделении пашенных земель и сенокоса всех без изъятия крестьян принудить землю, данную им для пашни, обсеять и <...> в экспедицию прислать немедленно при рапортах ведомости, приобща при том мирской приговор, с засвидетельствованием священника (*курсив мой.* — М.П.), что все общество разделом довольно»³⁹⁸. Га-

³⁹⁵ НА РК, ф. 445, оп. 1, д. 253, л. 147, 150, 153.

³⁹⁶ ОР ИРЛИ, ф. 96 (Державин Г.Р.), оп. 3, д. 2, л. 303.

³⁹⁷ Экспедиция домоводства (экономии) — временный административный орган, созданный после секуляризации церковных вотчин для управления бывшими монастырскими крестьянами.

³⁹⁸ РГИА, ф. 1400, оп. 1, д. 691. л. 91.

рантом законности священник становился и при решении чрезвычайно болезненного для крестьян вопроса о «взятии» рекрута. Возможно, здесь играла роль некоторая дистанцированность клирика, отсутствие у него личной заинтересованности (его сыновьям рекрутчина не грозила), позволяющие выполнять посреднические функции. Так, олонецкий губернатор Г.Р. Державин в 1785 г., как видно из указа Олонецкого наместнического правления, предписал крестьянам собраться на «мирской скоп» и в присутствии священника «назначить общими голосами беспристрастно: кого в нынешний набор в рекруты представить надлежит»³⁹⁹. Впрочем, по мнению неизвестного автора записки о «Примеченном образе правления в деревнях всякого рода государственных крестьян», участие белого духовенства в сходах являлось в России широко распространенной традицией. «Случается, — говорилось в записке, — что на сходы приглашаются той же волости священники или другие из церковных служителей, к которым крестьяне доверенность имеют. На сих сходах определяются прошения о завладении земель, споры и самые драки за земли, наказываются законопреступления, как то: в воровстве и тому подобное, которые еще в канцелярии неизвестны»⁴⁰⁰.

В XIX в. аналогичная роль священника сохранялась. В современных исследованиях вполне определенно проводится мысль о том, что «клир способствовал продвижению и насаждению официальной идеологии в крестьянской среде, воспитанию крестьянства в духе покорности престолу и власти предрежущим»⁴⁰¹. Карельские материалы подтверждают этот вывод. Так, Олонецкое земское о временных повинностях присутствие в 1877 г. обращало внимание губернатора на существенную трудность, возникающую при допросе обвиняемых, из-за отсутствия чиновников, знающих карельский язык. Вопрос стоял чрезвычайно остро: местные жители, «будучи сами участниками в преступлении или желая скрыть истину из боязни преследования, переводят показания при следствии по произволу». В качестве временной меры власти рассматривали привлечение к судебным разбирательствам священников. Это оказалось эффективной мерой, но не могло продолжаться долго: «хоть при некоторых

³⁹⁹ ОР ИРЛИ, ф. 96, оп. 3, д. 14, л. 8, об.

⁴⁰⁰ АСПБИИ, ф. 36, оп. 1, д. 380, л. 148.

⁴⁰¹ Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX—начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья, с. 181.

следствиях переводчиками бывают священники и церковнослужители, *на кого можно б положиться (курсив мой. — М.П.)*, но требовать их постоянно к сему невозможно»⁴⁰².

Таким образом, привлечение священно- и церковнослужителей к исполнению обязанностей, далеких как от «мирских треб», так и от богослужения, не всегда происходило по инициативе чиновников. «Мирские» институты власти также нуждались в помощи духовенства. Участие священно- и церковнослужителей в крестьянских делах стало точной копией того содействия, которое церковники оказывали местной администрации. Самому священнику было непросто разобратся в том, в качестве кого он присутствует на сходе: в облике «агента бюрократии» или уважаемого члена крестьянского сообщества. Нередко от церковников требовалось лишь минимальное, ни к чему необязывающее участие в деятельности «мирского» выборного управления. Священники, как грамотные люди, в случае необходимости могли быть привлечены к исполнению разнообразных поручений. Грамотность крестьянина, по замечанию А.В. Камкина, никогда не оставалась его личным достоянием: она «волей-неволей выводила его на пути общественного служения»⁴⁰³. Этот вывод вполне применим и к церковникам.

Убедительные доказательства в пользу этого суждения содержатся в важных имущественных документах — картах и планах генерального межевания. В соответствии с Инструкцией землемерам к генеральному всей империи земель размежеванию, «к достоверному и точному свидетельству» крестьяне избирали понятых, которым надлежало подписывать документы. Мною изучено 16 планов и карт. Все они подписаны священно- и церковнослужителями, которые «прикладывали руки» вместо своих «неумеющих грамоте» прихожан⁴⁰⁴. О широком распространении именно такой формы привлечения священно- и церковнослужителей к общинному управлению можно судить по данным «ведения», присланного в 1791 г. олонецкому губернатору их Олонецкой духовной консистории. Последняя «усмотрела из многих дел», что дьячки и пономари, служащие в епархии, «у крестьян в зем-

⁴⁰² НА РК, ф. 1, оп. 24, д. 6/13, л. 6–6, об.

⁴⁰³ Камкин А.В. Общественная жизнь северной деревни в XVIII в. Вологда, 1990. С. 27; Аналогичные суждения имеются в монографии А.Н. Розова. См.: Розов А.Н. Священник в духовной жизни русской деревни, с. 31.

⁴⁰⁴ НА РК, ф. 4, оп. 35, д. 4/84, л. 2, об., 7; Там же, д. 2/25, л. 2, 6; Там же, д. 5/87, л. 2, 7; Там же, д. 2/39, л. 1, об., 4; Там же, д. 11/211, л. 2, 8; Там же, д. 10/192, л. 1, об., 9; Там же, д. 10/176, л. 1, об. 6; Там же, д. 12/241. л. 1, об., 8.

ских избах писменные мирские дела за некоторую от крестьян определенную плату исполняют, от чего в праздничные дни, в которые по большей части крестьянские дела исправляются, те дьячки и пономари от церквей своих отлучаются и более с ними общаются, нежели при церквях и при своих должностях»⁴⁰⁵.

Мнение М.М. Богословского о том, что в XVII в. «каждая волостная церковь на Севере служила архивом для мирских документов»⁴⁰⁶, подтверждается источниками XVIII столетия. В церковном здании в этот период хранились не только исповедные ведомости, но и акты, связанные с имущественными вопросами. Главным образом, но не исключительно, это бумаги, составление которых обуславливалось отводом земли духовенству. В создании церковных архивов существенную роль сыграли такие обстоятельства, как традиция решать имущественные споры в церкви, обращаться за посредническими услугами и с просьбами о составлении документов к причту своей церкви. Доказательством здесь являются описания тех случаев, когда бумаги пропадали из-за воровства или при пожаре. Безрезультатно, например, завершился первый этап возникшего в 1794 г. спора между крестьянами Нигижемского прихода и клиром церкви великомученика Георгия об отмежеванной к церкви земле. Предъявить хранящиеся в «церковном казенном ящике» межевые книги, судя по доношению священника, оказалось непросто, поскольку они «из владельцев деревни Алексеевской крестьянином Алексеем Щепкиным с товарищи с прочими церковными вещами из церкви покрадены»⁴⁰⁷. Имеются упоминания о «писменных всяких крепостях», т.е. документах, находящихся в составе церковного имущества, которое согласно указу епископа Олонецкого и Каргопольского надлежало «отвесть за церковных прикащиков»⁴⁰⁸.

Далеко не всегда священно- и церковнослужители при решении «мирских» дел оставались на второстепенных, подчиненных ролях. Ряд документов позволяет утверждать, что представители духовенства становились свидетелями при совершении разного рода сделок и заключении соглашений. Это обстоятельство говорит об их высоком статусе. Иногда, например, священно- и церковнослужители присутствовали при передаче залога от жениха родителям невесты незадолго

⁴⁰⁵ Там же, ф. 165, оп. 2, д. 2/3, л. 103.

⁴⁰⁶ *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 2, с. 21.

⁴⁰⁷ РГИА, ф. 796, оп. 79, д. 291, л. 17.

⁴⁰⁸ НА РК, ф. 308, оп. 2, д. 1/2, л. 1.

до свадьбы. Этот залог, как утверждал в «Поденной записке» современник событий Г.Р. Державин, «выдавался с договором, чтобы в случае несогласия невесты отдать ему (*жениху*. — М.П.) оный обратно»⁴⁰⁹. В 1783 г., как явствует из прошения рекрута Михайлы Иванова, состоялось «согласное сватовство» его к дочери крестьянина деревни Исаковой Пидемской волости Мартина Антонова Меншого. По этому случаю в соответствии с обычаем будущий тесть забрал у Михайлы 33 рубля. В качестве свидетелей при передаче денег присутствовали священник, пономарь и два крестьянина той же волости. После того, как выяснилось, что Михайла Иванов стал рекрутом, Мартин Антонов ему «совсем от совокупления законного браку отказал». В ответ Иванов потребовал возместить все расходы в размере 50 рублей⁴¹⁰. По народным представлениям нарушение договора становилось и грехом, и преступлением, поскольку при заключении договора всегда в том или ином виде присутствовало обращение к Богу.

Аналогичным, но в значительно больших масштабах стало участие духовенства в подготовке челобитчиков к отправке в Санкт-Петербург в 1769 г., во время восстания приписных крестьян. Как видно из «ведения» Сената в адрес Олонецкой духовной консистории, перед уходом крестьяне зашли в церковь, чтобы дать клятву. Ее суть заключалась в обещании «во всем слушать» Соболева — главного «возмутителя» — «и друг за друга умереть, ни в чем никою не выдавать, и от него, Соболева, из Петербурга никому не бегать». Перед клятвой священник Захарий Ефимов отозвал Соболева в алтарь и «увещевал, что присяга — дело великое, и в чем оную иметь, в том должно быть и справедлив». Убедившись в серьезности намерений крестьян, священники (это была Кижская Преображенская церковь с двойным клиром), «вынеся из алтаря Евангелие и крест положи на налой, сами стояли в ризах по краям налая, и все как в показанном между собою заговоре к Евангелию и кресту прикладывались, то в тот намеренной путь их и благословляли»⁴¹¹.

В некоторых случаях священно- и церковнослужители, не забывая об основной деятельности, становились помощниками выборных должностных лиц сельской общины. Свидетельства о такой неожиданной роли духовенства появлялись в источниках лишь в тех случаях, когда сами события принимали непривычный оборот. Так, данные об участии церковника в сборе налогов сохранились только бла-

⁴⁰⁹ Державин Г.Р. Поденная записка ... // Пименов В. В., Эпштейн Е. М. Русские исследователи Карелии (XVIII в.). Петрозаводск, 1958. С. 179.

⁴¹⁰ НА РК, ф. 642, оп. 1, д. 28/335, л. 1.

⁴¹¹ РГИА, ф. 796, оп. 52, д. 254, л. 1.

годаря тому, что пономарь и староста в одной из деревень внезапно обнаружили раскольников, готовых к самосожжению. Староста Сидор Артемьев на следствии по делу о массовом самоубийстве старообрядцев, показал: «в бытность ево ведомства своево в деревне Фофановской для збору казенных податей оного ж погоста с пономарем Евсеем Егоровым, кой исправлял тогда мирские дела (курсив мой. — М.П.) <...> усмотрели раскольническое зборище»⁴¹².

Ненамного больше имеется свидетельств о следующей форме участия священно- и церковнослужителей в повседневной жизни крестьян — избрании представителей белого духовенства приходскими поверенными. Наиболее подробные сведения изложены в «ведении» Сената Олонецкой духовной консистории. Следственная комиссия по делу о восстании приписных крестьян установила в 1771 г., что священник Толвуйского прихода, по его собственному признанию, был послан крестьянами «проведать: естли они зделаются послушными, будет ли им прежняя противность прощена». Но члены комиссии, как видно из того же документа, подозревали, что на самом деле священник приезжал «для разведывания, что об их (крестьян. — М.П.) ослушностях по комиссии происходит». За это «разведывание», судя по показаниям старосты Васильева, священник получил от крестьян «денежную плату»⁴¹³. Приходскими поверенными священно- и церковнослужители становились и в тех случаях, когда возникала необходимость собрать средства на ремонт или строительство храма. Как видно из указа Олонецкой духовной консистории, в 1797 г. в Санкт-Петербурге был задержан прибывший из Немжинского прихода Каргопольского уезда священник Афанасий Иванов. В «подписке», данной священником архимандриту Александро-Свирского монастыря Парфению, говорилось, что «деньги и купленные в бытность ево, священника, в Санкт-Петербурге вещи были собираемы на ту церковь, при которой он ныне находится». Консистория распорядилась прислать в монастырь, где находился священник, крестьян и причетников «для принятия тех вещей»⁴¹⁴.

Итак, в положении священно- и церковнослужителей заметна двойственность. Эта двойственность состоит не только в амбивалентном — светском и церковном — предназначении их в приходе. Она, что не менее важно, заключалась в посредническом, промежуточном положении клира между властями, с одной стороны, и крестьянами —

⁴¹² ГААО, ф. 29, оп. 9, д. 14, л. 262.

⁴¹³ РГИА, ф. 796, оп. 52, д. 254, л. 3-3, об.

⁴¹⁴ АСПБИИ, ф. 3, оп. 1, картон 32, д. 5, л. 27.

с другой. Едва ли возможна обобщенная оценка симпатий духовенства, вытекающая из этого своеобразного статуса церковников. Они делали свой выбор исходя из конкретной ситуации, помня о том, что любое четкое обозначение своей позиции чревато наказанием. В наиболее бесспорном виде позиция белого духовенства могла проявиться только в периоды крестьянских волнений. Известно, что многие священно- и церковнослужители оказались на стороне восставших прихожан в период крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева⁴¹⁵. Аналогичной была позиция клира Олонецкой епархии и во время восстания приписных крестьян 1769–1771 гг.

Из «ведения» Сената, присланного в Олонецкую духовную консисторию, явствует, что следствием были установлены многочисленные факты участия церковников в волнениях. Так, священники Кижского прихода служили молебны за победу своих вооруженных рогатинами прихожан над правительственными войсками. Священник Типиницкого прихода в ответ на требование оказать содействие в подавлении восстания, сказал офицеру «грубо, что ему нет дела ни до чево». На следствии он заявил, что специально «острегал себя, дабы после крестьяне за то на него не злобились и не считали бы, что он, священник, имел с ним, капитаном-исправником, какой совет». Это объяснение можно признать универсальным. Священники остро ощущали свою зависимость от крестьян и боялись потерять их «доверенность». Об этом говорят и другие примеры. Священник Тубозерского прихода подписался под крестьянским рапортом, «наполненным грубостями». Дьячок Иван Данилов из Кижского погоста лично участвовал в столкновениях с войсками и даже на поле брани отобрал у офицера кушак. Вывод, сделанный в «ведении» на основании всех приведенных фактов, однозначен. «Оказалось, что живущие в противящихся погостах священно- и церковнослужители одного с ними, крестьянами, согласия»⁴¹⁶. Это общероссийская закономерность. Современные авторы исследований приходской этнографии подчеркивают сохраняющуюся в XVIII–XIX вв. тесную взаимосвязь между крестьянским миром и приходским духовенством. Она наиболее отчетливо проявлялась «во время эпидемий, в неурожайные годы, при проведении жестких, “непопулярных” правительственных мер, ведущих к обнищанию паствы»⁴¹⁷.

⁴¹⁵ *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. М., 1992. Т. 2. С. 541.

⁴¹⁶ РГИА, ф. 796, оп. 52, д. 254, л. 1–3, об.

⁴¹⁷ *Бернштам Т.А.* Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии, с. 32.

В XIX—начале XX в. священник также участвовал в повседневной жизни своего прихода. Но значительно чаще пастырь не защищал интересы крестьянского мира, а всецело посвящал свои усилия охране общественного спокойствия и порядка, предотвращению агрессивных проявлений в крестьянской среде, а в конечном итоге — отстаивал интересы государства. Устав духовных консисторий прямо предписывал священникам наставлять народ в духе «благонаравия и послушания властям»⁴¹⁸. И документы показывают, что это предписание выполнялось. Так, в 1906 г., во время крестьянских волнений, священник Ухтинского Вытегорского прихода описывал свою деятельность по предотвращению крестьянских волнений: «Предвидя печальные последствия от ожесточенных массовых движений народа и в силу своего пастырского долга, я быстро употребил меры внушения и убеждения прихожан. В домах их и в храме Божиим я объяснил им точный смысл гражданской свободы, направленной к соблюдению законности и правопорядка, а не к проявлению злого произвола и насилия, говорил о неприкосновенности личности и имущественной собственности». В итоге дело закончилось не волнениями, а коллективным богомольем за здоровье императора⁴¹⁹. Бурные годы революции показали, что священники могут оказывать на своих прихожан благотворное воздействие, предотвращая конфликты. Негативные настроения прихожан в этот период принимали массовый, радикальный и угрожающий характер. Так, узнав о Манифесте 17 октября, крестьяне Вытегорского уезда, как писал местный священник, «восприняли его превратно». Они решили «схватить целым обществом и разгромить ближайшие лесные дачи частных землевладельцев для того, чтобы правительство узнало об их недостатках и удовлетворило их нужды». Не соглашавшихся с ними односельчан они «хотели подвергнуть собственному суду и избиению». Священнику с трудом удалось предотвратить беспорядки⁴²⁰. После начала Первой мировой войны священники стали помощниками местной администрации в деле составления списков военнообязанных. Судя по обращению к духовенству епархиального начальства священники привлекались к «единовременной проверке составленных уездными советами списков семейств мобилизованных нижних чинов», а также к отслеживанию изменений в семействах призывников и в ценах на продукты⁴²¹.

⁴¹⁸ Устав духовных консисторий // Церковное благоустройство. Сб. действующих церковно-гражданских законоположений, относящихся к духовному ведомству. М., 1901. С. 6.

⁴¹⁹ *Маклионов К.* Из села Ухты Вытегорского уезда // ОЕВ. 1906. № 1. С. 27.

⁴²⁰ Там же. С. 26–27.

⁴²¹ *Епископ Никанор.* Духовенству Олонецкой епархии к неуклонному и немедленному исполнению // Там же. 1914. № 23. С. 533–534.

Как показывают документы XIX—начала XX в., олонецкие священники неусыпно занимались наблюдением за «нравственно-религиозной жизнью» прихожан, постоянно заботясь о «наставлении и утверждении их в вере и благочестии», давая советы о «воспитании детей в страхе Божиим и благочестии»⁴²². На них же возлагалась обязанность следить за тем, чтобы должности в сельском самоуправлении не занимали заведомые «раскольники», способные оказать «вредное» духовное воздействие на прихожан. Так, в 1861 г. Олонецкая духовная консистория рассматривала дело о действиях священника Горского прихода Ивана Гостинчиков. Как видно из документов, священник привел к присяге старообрядца Кирилла Поташева, «признанного местным причтом сомнительным в православии» по причине неявки на исповедь. За грубое нарушение установленного порядка, невнимательность при подготовке к присяге консистория отстранила священника от должности⁴²³.

Значительно реже в материалы делопроизводства проскальзывали сведения о значении сельских священников для жизни крестьянского мира, их добрых взаимоотношениях с прихожанами. В частности, предоставление ссуд из церковных денег нуждающимся в свободных средствах прихожанам изучено на обширных материалах XVII в. М.М. Богословским⁴²⁴ и А.И. Копаневым⁴²⁵. В XVIII в. подобные действия рассматривались властями как казнокрадство и поэтому осуществлялись нелегально. В случае нарушения обязательств законных оснований для обращения в суд не возникало: тот, кто дал деньги, был не меньшим преступником, чем тот, кто их не возвращал. Поэтому упоминание, обнаруженное в архиве земской избы Кижской волости, можно считать уникальным: в 1773 г. церковный староста жаловался волостному старосте на десяцких Герасима Иванова «с товарищи», которые «взяли на нужду свою из казны в церкви Николая Чудотворца денег сорок рублей, как в выданном от них векселе значится, которых денег и поныне в выплате нет <...> у нас в церкви в денежной казне немалая нужда, и в том происходит церкви Божией немалое притеснение»⁴²⁶. В начале XX в. эта особенность взаимоотношений

⁴²² НА РК, ф. 25, оп. 20, д. 9/96, л. 21 (Отчет благочинного 2-го округа Олонецкого уезда за 1902 г.).

⁴²³ Там же, оп. 20, д. 59/655, л. 42 (Из журнала Олонецкой духовной консистории).

⁴²⁴ *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 2, с. 39.

⁴²⁵ *Копанев А.И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 36.

⁴²⁶ ОР РНБ. Ф. 536. О. 600. Л. 2.

духовенства и прихожан сохранялась. Так, в описании Немжинского прихода, опубликованном в 1906 г., указывается, что у местного священника прихожане считали вполне возможным «попросить написать письмо, попросить доброго совета в крестьянском быту, попросить оказать взаимобразно денежную или материальную помощь в нужде, отдать на сохранение про черный день копеечку»⁴²⁷. Вероятно, это явление было распространено не только в Олонецкой епархии. Крестьяне других местностей нередко обращались к своим священникам с просьбой о беспроцентной ссуде зерном или деньгами⁴²⁸. В 1904 г., оценивая состояние благочестия в народе, олонецкий епископ писал, что многие местные жители «с полной доверчивостью обращаются к духовенству со своими духовными нуждами, просят у него советов при разных обстоятельствах жизни, приглашают в свои дома, при встрече кланяются, целуют его руку, называют “батюшкой” и “отцом духовным”, помогают ему в сельском хозяйстве»⁴²⁹.

В приходском священнике северные крестьяне ценили «понимание трудностей крестьянской жизни, знание внутриобщинных проблем и проблем каждой отдельной семьи»⁴³⁰. Это проявляется в самых разных аспектах поведения духовенства и даже в распоряжениях церковного начальства. Так, для светских целей, а не только для благовеста, использовалась находящаяся при храме колокольня. Жители окрестных деревень воспринимали неурочный колокольный звон (набат) как призыв к «многочудному всех деревень собранию». Характерны два примера, взятые из материалов сенатской следственной комиссии 1771 г. Крестьяне Кижского погоста, используя набат, за короткий срок сумели собрать своих сторонников, которые и дали отпор солдатам капитана Ламздорфа⁴³¹. Жители деревни Леликовой в этот же период «держали воровские свои заставы, имея заговор таковой: когда посланы будут в их селения команды, то на колоколах бить в набат тревогу и в сем собираясь противитца и отбиватца»⁴³². Набат использовался и в обыденных ситуациях: в некоторых местностях Ладожского и Онежского озер

⁴²⁷ Фарсионов А. Немжинский приход Лодейнопольского уезда, с. 512.

⁴²⁸ Кузнецов С. В. Православный приход в России в XIX в., с. 170.

⁴²⁹ НА РК, ф. 25, оп. 20, д. 9/97, л. 31 (Отчет о состоянии Олонецкой епархии за 1904 г.).

⁴³⁰ Листова Т. И. Религиозно-общественная жизнь: представления и практика, с. 736.

⁴³¹ НА РК, ф. 445, оп. 1, д. 235, л. 227.

⁴³² РГИА, ф. 796, оп. 52, д. 254, л. 6.

в набат били в туманное время⁴³³. Колокольный звон являлся в России традиционным средством оповещения о чрезвычайных ситуациях, но в XVIII в. его использование не для церковных нужд воспринималось высшей церковной властью как незаконное. В частности, Синод специальным указом запретил «производить набатный звон во время драк»⁴³⁴.

Есть и другой аспект этой проблемы, вновь возвращающий повествование к проблемам крестьянского самоуправления. В литературе высказывалось мнение о том, что сход в XVII–XIX вв. собирался либо по «повеске», либо «через колокольный звон»⁴³⁵. В Олонецкой епархии, скорее всего, из-за низкой плотности населения и больших расстояний между деревнями второй способ оповещения использовался реже. На это указывают документы упомянутой комиссии, которая докладывала Сенату в 1771 г., что «збор их (*крестьян*. — М.П.) бывает по повескам через нарочно определенного ходока-крестьянина, живущего в самом погосте, а для скорости посылают иногда и из крестьян»⁴³⁶. Возможность срочно собрать людей, пусть только из ближайших населенных пунктов, придавала деревне, где располагалась колокольня, особое значение. В конце XIX в. ситуация осталась неизменной. Судя по распоряжению консистории, разосланному по приходам в 1893 г., клирики звонили в колокола во время вьюг и метелей, извещая таким способом заблудившихся путников о расположении деревни и месте возможного ночлега⁴³⁷.

Другим видом услуг населению, оказывать которые также были обязаны священники, стала медицинская помощь. В 1895 г. по распоряжению епископа Павла в Олонецкой духовной семинарии ввели курс медицинской помощи. Губернская управа решила, что священники, «вращаясь по тому или другому характеру своих обязанностей среди крестьянского населения, при знакомстве с основами медицины и гигиены принесут существенную пользу населению, оказывая ему рациональную первоначальную медицинскую

⁴³³ Набат // Полный православный богословский энциклопедический словарь. М., б. г. Т. 2. Стб. 432.

⁴³⁴ ПСПиР. СПб., 1910. Т. 1. № 518. См. также: ПСЗ-1. Т. 17. № 13 328.

⁴³⁵ *Миненко Н.А.* Общинный сход в Западной Сибири XVII–первой половины XIX в. // *Общественный быт и культура русского населения Сибири.* Новосибирск, 1983. С. 14.

⁴³⁶ НА РК, ф. 445, оп. 1, д. 253, л. 161.

⁴³⁷ Там же, ф. 25, оп. 20, д. 93/1044, л. 8 (Рапорты благочинных об оповещении населения колокольным звоном во время метелей и вьюг).

помощь, которой население бывает нередко лишено». Поэтому земское собрание выделило средства на приобретение аптек с необходимыми медикаментами⁴³⁸.

Одним из ведущих «социально-ролевых предназначений русской православной церкви» стала информационная деятельность⁴³⁹. Иногда священники боролись против панических слухов. Так, в начале XX в. среди местных крестьян распространился слух о том, что прививка против оспы является той самой печатью Антихриста, о которой сказано в Евангелии. Священники «всеми средствами» старались истолковать прихожанам священные тексты, доказывая, что между прививками и апокалиптическими пророчествами нет никаких совпадений⁴⁴⁰. В 1914 г. участие духовенства в деле организации прививок стало по распоряжению начальства еще более заметным. Согласно Положению об оспопрививании духовенство обязывалось «составлять списки родившихся и умерших детей и доставлять эти списки в учреждения, заведывающие делом оспопрививания»⁴⁴¹. При этом духовное начальство требовало от священников не допускать конфликтов, «возникающих временами в связи с желанием прихожан отстоять свои обычаи»⁴⁴².

Итак, нельзя не заметить ту существенную роль, которую играло сельское духовенство в жизни крестьянского «мира». Но эта роль лишь отчасти обусловлена авторитетом священно- и церковнослужителей. Во многом участие священников в мирских делах объяснялось их отстраненностью, отсутствием у них личной заинтересованности, которые и проявлялись при разбирательстве возникающих среди крестьян конфликтов. Определенную роль играло законодательство, но его влияние было двояким. С одной стороны, священно- и церковнослужители были оставлены на полное попечение самих крестьян, которые свободно могли решать все важнейшие вопросы, связанные с

⁴³⁸ О снабжении аптечками священников, прослушавших курс народной медицины и гигиены // ОГВ. 1902. № 20. С. 2.

⁴³⁹ *Сухова О.А.* Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX—начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья, с. 181.

⁴⁴⁰ *Козлов И.* Печать Антихриста и прививка оспы // ОЕВ. 1911. № 29. С. 488—489.

⁴⁴¹ Высочайше утвержденное 21 июня 1914 года Положение о предохранительном оспопрививании // Там же. 1914. № 32. С. 719.

⁴⁴² *Листова Т.И.* Религиозно-общественная жизнь: представления и практика, с. 737.

повседневной жизнью духовенства. Нельзя забывать (и любой церковник помнил об этом), что и материальное благополучие, и даже личная безопасность клириков зависели от прихожан. С другой стороны, существующая практика привлечения священно- и церковнослужителей к участию в светских делах по инициативе чиновников разных уровней закрепляла в сознании крестьян образ священника — неперменного участника «мирских» мероприятий.

Приходские школы. В конце XVIII, и особенно в XIX—начале XX в., прежние формы участия духовенства в решении мирских проблем прихожан постепенно уходили в прошлое. На смену им приходило новое явление — активное участие церковников в обучении подрастающего поколения. Становление системы начального церковного образования опиралось на давнюю традицию обучения детей в школах при приходских церквях, где главными учителями становились клирики, нуждающиеся в дополнительных заработках. Начало этому благородному и приносящему церковникам дополнительный заработок делу положили статьи Стоглава (середина XVI в.), предписывающие духовенству «учинити в домех училища»⁴⁴³. Законодательство XIX в. воспроизводило это требование. Епархиальному начальству вменялось в обязанность «располагать и поощрять приходское духовенство к заведению и поддержанию при церквях училищ, в виде простом и приспособленном к народному быту»⁴⁴⁴.

Масштабное продолжение этого благого начинания приходится на изучаемый период. В указе, датированном 1805 г., Александр I призвал приходское духовенство участвовать в деле народного образования⁴⁴⁵. В 1836 г. Синод, имея в виду противостояние старообрядческому влиянию, составил Правила для первоначального обучения поселянских, в том числе и раскольнических детей, предназначенные исключительно для Олонецкой епархии. Затем с соизволения императора эти правила распространились и на другие епархии. Обязанность обучения крестьянских детей целиком возлагалась на приходское духовенство⁴⁴⁶. В 1861 г., подводя первые итоги деятельности церковно-приходских школ, олонецкий архиерей отмечал скромные успехи

⁴⁴³ Стоглав. Собор, бывший в Москве при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче. СПб., 1997. С. 75.

⁴⁴⁴ Устав духовных консисторий. С. 7.

⁴⁴⁵ Рункевич С. Русская церковь в XIX в. СПб., 1901. С. 569–570; Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни, с. 43.

⁴⁴⁶ Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства Народного Просвещения (1802–1902 гг.). СПб., 1902. Т. 1. С. 283.

этих учебных заведений в противостоянии «расколу». Как говорилось в отчете, «дети, получая нравственные понятия о вере, церкви и богопочтении и в то же время приобретая навык ходить к богослужениям в храмы и ежегодно исполнять христианский долг очищения совести, предохраняются от влияния раскола на всю жизнь, и родители, отдающие своих детей на обучение духовным лицам, чрез то сами более сближаются с духовенством и начинают питать к нему более уважения, доверия и любви»⁴⁴⁷.

Опыт деятельности церковно-приходских школ обобщен в сборнике распоряжений, регламентирующих их деятельность в общероссийском масштабе. Во второй половине XIX в. главная задача школ по-прежнему состояла в образовательной и церковно-просветительской деятельности: «школы сии имеют целию утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания». Они существовали под надзором местного духовенства, получая средства от приходских попечительств, братств, «земских и других общественных или частных учреждений и лиц, епархиального и высшего духовного начальства, а равно из казны»⁴⁴⁸. Епархиальное начальство обязывалось «располагать и поощрять приходское духовенство к заведению и поддержанию при церквях училищ», целью которых провозглашалось «распространение грамотности и религиозно-нравственное воспитание народа»⁴⁴⁹. В процессе деятельности круг задач, стоящих перед церковно-приходскими школами, существенно расширился. Заметную роль они играли в борьбе против старообрядческого влияния. Работающие в школах священники обязывались «сообщать в школах на уроках Закона Божия сведения о расколе по программе, утвержденной Св. синодом для школ Олонецкой епархии»⁴⁵⁰.

В 1870-х гг. школы были оценены Синодом и соответствующим министерством как незаменимое средство распространения русского языка. На общероссийском уровне эта идея наиболее отчетливо

⁴⁴⁷ РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 61, л. 39, об.

⁴⁴⁸ Правила о церковно-приходских школах. Высочайше утверждены в 13 день июня 1884 г. // Сборник правил о школах церковно-приходских и грамоты. С относящимися к ним определениями и указами Св. синода, Училищного при оном совета и Новгородского епархиального начальства. СПб., 1898. С. 12–13.

⁴⁴⁹ *Ивановский Я.* Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству, с. 124.

⁴⁵⁰ Инструкция приходским священникам Олонецкой епархии в деле борьбы с расколом // ОЕВ. 1900. № 22. С. 755.

сформулирована Н.И. Ильминским. Он предлагал сделать «орудием первоначального обучения для каждого племени <...> родное наречие его». Учителями школ для «инородцев» следовало назначать выходцев из местных народов или русских, владеющих «инородческим» наречием. В процессе обучения предполагалось активное использование русского языка: «как только усвоят себе довольно значительный запас русских слов и выражений, начинают обучаться русской грамоте». Далее предусматривался полный переход на русский язык и совместное обучение «инородческих» и русских детей⁴⁵¹. В 1902 г. появилось новое положение о церковных школах православного исповедания. Суть нововведений заключалась в разделении школ на начальные и учительские, четком указании перечня предметов в тех и других, указании размеров вознаграждения учителям, их прав и способов поощрения за успехи в преподавании⁴⁵².

Реализация правительственных предначертаний оказалась непростым делом. К середине XIX в. стало очевидно, что первое «сражение за руководство начальным образованием» церковь проиграла⁴⁵³. Эту неблагоприятную тенденцию удалось преодолеть лишь спустя длительное время. Оценивая положение дел в церковно-приходских школах, епархиальный архиерей в 1870 г. обращал внимание Синода на ряд существенных недостатков в их деятельности. Во-первых, материальная необеспеченность духовенства «не позволяет ему достаточно времени уделять на безмездные занятия в училищах». Прихожане «оказывают весьма мало поддержки своим приходским училищам», пособия от земства и Министерства народного просвещения «только еще начинаются и пока в самых ограниченных размерах». Расстояния между приходскими деревнями и церквями, крайняя бедность родителей, непонимание ими русского языка «в местах Карелы и Чуди», приводят к тому, что дети, «учась грамоте, должны учиться в то же время и русскому языку». Все это приводит к плачевным для народного образования последствиям: «многие поступают в училища не в определенное для приема время, а когда позволяют домашние

⁴⁵¹ Узаконение мнений Н.И. Ильминского в высочайше утвержденных 26 марта 1870 г. правилах о мерах к образованию инородцев и в действующих ныне правилах 1 ноября 1907 г. об инородческих начальных училищах // *Ильминский Н.И.* О системе просвещения инородцев и о Казанской Центральной крещено-татарской школе. Казань, 1913. С. 20–21.

⁴⁵² Новое положение о церковных школах // ОГВ. 1902. № 46. С. 3.

⁴⁵³ *Римский С.В.* Российская церковь в эпоху великих реформ: церковные реформы в России 1860–1870 гг.). М., 1999. С. 447.

обстоятельства». При этом все крестьянские дети учатся с перерывами, «оставляют училища прежде времени», а обучение девочек часто «считается делом излишним»⁴⁵⁴. В отчетах благочинных ситуация рисовалась несколько иначе: «судя по тем скудным средствам, какими располагает духовенство в столь высоком и святом деле, как дело народного образования», успехи школ надо признать «очень удовлетворительными»⁴⁵⁵.

Положение священников, работающих в школе, сразу же стало весьма непростым. С одной стороны, многие иереи ощущали «несовместимость своих прямых обязанностей с преподаванием в церковно-приходской школе». Забота о школе отнимала слишком много сил, требовала участия в ее обустройстве и эмоционально-психического напряжения⁴⁵⁶. С другой стороны, священники «ратовали за всеобщее церковно-приходское образование крестьян, потому что видели в нем противоядие расколу и языческому суеверию»⁴⁵⁷. В старообрядческой среде успехи школ вызывали неприязнь. Как говорилось в миссионерском отчете, старообрядцы неохотно отпускают детей в школу, «оканчивать курса не дают, доучивая их дома по псалтири»⁴⁵⁸. В итоге к усилиям священников на педагогическом поприще добавлялось их стремление преодолеть старообрядческое влияние. Это позитивно отражалось на динамике становления и развития церковно-приходских школ. К концу XIX в. стало очевидным заметное участие церковников в деле народного просвещения. Идея о создании школы при каждой приходской церкви в Олонецкой епархии, как и на соседних территориях, становилась все более реальной. По утверждению епархиального архиерея, «в приходах училища существуют везде». Повсеместно в них «наставниками священники, диаконы, причетники и воспитанники семинарии».

Церковное начальство живо интересовалось успехами школ и с удовольствием отмечало достижения педагогов. Проведенные епископом

⁴⁵⁴ РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 383, л. 25–25, об. (Отчет о состоянии Олонецкой епархии за 1870 г.).

⁴⁵⁵ НА РК, ф. 25, оп. 1, д. 60/1, л. 52 (Отчет благочинного 2-го округа Олонецкого уезда за 1879 г.).

⁴⁵⁶ *Бернштам Т.А.* Приходская жизнь русской деревни: Очерки церковной этнографии, с. 377.

⁴⁵⁷ Там же, с. 43.

⁴⁵⁸ *Козлов И.* Миссионерский отчет о состоянии и движении раскола Олонецкой епархии и деятельности епархиальной миссии против раскола и сектантства за 1911 год, с. 13.

испытания учеников показали, что «наставники преимущественною своею обязанностью считают преподавание учения веры и благочестия, пользуясь в этом случае как известным по Закону Божию руководством, так и наглядною книгою — иконостасом приходских храмов и богослужением»⁴⁵⁹. В некоторых приходах одним из предметов преподавания стало церковное пение. Так, в Контужском приходе Вытегорского уезда «учащиеся под руководством местного священника девочки настолько успели в искусстве пения, что могли петь на левом клиросе во время совершения архиепископом в приходском их храме всеобщего богослужения». Для «поощрения усердия» епархиальный пресвященный раздавал наиболее отличившимся ученикам наперсные кресты, иконы, Евангелия «и другие религиозно-нравственного содержания книги», а усердным наставникам объявил благодарность⁴⁶⁰.

В церковных документах росту грамотности и увеличению числа школ придавалось решающее значение в деле духовного воспитания народа. Судя по отчету каргопольского благочинного, «во всех вообще приходах, где есть школы, дети исполняют долг исповеди и причастия неопустительно»⁴⁶¹. Данные церковной статистики позволяют судить о количественном росте приходских школ. Так, в 1883 г. в Олонецкой епархии имелась 41 школа, в 1886-м их число увеличилось до 67, в 1890 г. — до 107, в 1893 г. — до 156 школ⁴⁶². Число учащихся в школах росло быстрыми темпами. В 1883 г. школы посещали 660 человек, за три года число обучающихся более чем удвоилось и составило 1430, а к 1893 г. число учеников приходских школ достигло 3934 человек⁴⁶³. Однако сравнение числа школ и количества церквей оставалось неблагоприятным. В Олонецкой епархии по состоянию на 1893 г. число церквей превышало число школ на 345, примерно таким же стало соотношение в Архангельской епархии (348), в Вологодской епархии дела шли более успешно: численность храмов оказалась больше числа учебных заведений при них всего на 177 церквей⁴⁶⁴. Финансирование школ также постепенно налаживалось. Так, в 1902 г.

⁴⁵⁹ РГИА, ф. 796, оп. 442, л. 7–7, об. (Отчет о состоянии Олонецкой епархии за 1870 г.).

⁴⁶⁰ Там же, л. 7–7, об.

⁴⁶¹ НА РК, ф. 25, оп. 1, д. 60/1, л. 22, об. (Сведения о состоянии церквей, духовенства и прихожан за 1879 г.)

⁴⁶² *Преображенский И.* Отечественная церковь по статистическим данным с 1840–41 по 1890–91 гг. СПб., 1897. С. 115.

⁴⁶³ Там же, с. 127.

⁴⁶⁴ Там же, с. 120.

Синод ассигновал на нужды олонецких школ 55 800 руб., уездные и губернские земства изыскали на нужды просвещения 30 121 руб., от церквей и монастырей поступило 1581 руб., от школьных попечителей — 1788 руб., от церковного братства — 1052 руб., проценты с ранее пожертвованных капиталов составили 404 руб.⁴⁶⁵.

Как говорилось в отчете благочинного 2-го округа Лодейнопольского уезда, в начале XX в. «с увеличением числа грамотных нравственность в народе возвышается, что показывает отсутствие нескромных песен и игр и прекращение увеселений в установленные Святой Церковью посты»⁴⁶⁶. На рубеже XIX—XX в. ситуация в сфере церковно-приходского образования продолжала улучшаться. На общероссийском уровне большие надежды на приходскую школу возлагал influentialный обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев⁴⁶⁷. На местах, в провинции позиция центральной власти встретила поддержку. Заметную роль здесь сыграло Олонецкое земство, все уездные собрания которого предоставили школам значительные средства. Как отмечала епархиальная печать, «отношение всех земств Олонецкой губернии к этому вопросу достаточно определилось как неизменно сочувственное»⁴⁶⁸. В 1910 г., выступая в Таврическом дворце на заседании Государственной Думы, олонецкий депутат К.И. Казанский подчеркивал несомненный прогресс в деятельности церковно-приходских школ, достигнутый благодаря участию земств в деле народного просвещения: «Следя за деятельностью церковных школ, все уездные земства губернии приходили к ним на помощь и, находя ограниченность их средств, ежегодно по мере роста школ увеличивали свои ассигнования, доводя последние до солидной суммы»⁴⁶⁹. Пользуясь возрастающей поддержкой, школы становились более многочисленными, увеличивалось их влияние на подрастающее поколение, в церковно-приходских школах появились дополнительные предметы, такие как отечественная история и география. Более того, «программы церковно-приходских

⁴⁶⁵ Местная хроника // ОГВ. 1902. № 9. С. 1.

⁴⁶⁶ НА РК, ф. 25, оп. 20, д. 9/96, л. 147 (Отчет благочинного 2-го округа Лодейнопольского уезда за 1902 г.).

⁴⁶⁷ *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Киев, 1991. С. 412.

⁴⁶⁸ *Чуков Н.* Пособия уездных земств Олонецкой губернии церковным школам на 1901 г. // ОЕВ. 1900. № 21. С. 740–742.

⁴⁶⁹ *Доброе слово об Олонецкой церковно-приходской школе в Таврическом Дворце (Речь олонецкого депутата К.И. Казанского)* // Там же. 1910. № 1. С. 7.

школы уже почти не отличались от светских училищ»⁴⁷⁰, земские и церковно-приходские школы пользовались в основном одной учебной и методической литературой, количество часов на религиозные и общеобразовательные предметы в них оставалось примерно одинаковым⁴⁷¹.

Благодаря развитию начального образования появились серьезные достижения в богослужебной сфере. Местные церковные деятели полагали, что именно школы позволят внести новые черты благолепия в церковный обиход. Поэтому на педагогических курсах, организуемых в Олонецкой епархии, заметное место отводилось «устройству церковных хоров»⁴⁷². Школы вносили существенный вклад в церковное просвещение населения. Регулярно присутствуя на богослужении, дети участвовали в пении, чтении и прислуживали священнику в алтаре. Только за 1911 г. создано 59 новых церковных хоров, состоящих из учащихся. Посещение богослужений и исповедь для учеников церковных школ стали обязательными. Там, где из-за далеких расстояний посетить приходский храм становилось невозможно, «отправлялись в самих школах или в часовнях богослужения самими учащимися»⁴⁷³.

Судя по отчету о состоянии приходских школ за 1900 г., в Олонецкой епархии действовало 286 учебных заведений духовного ведомства, из которых 3 – второклассные, 1 – двухклассная, 172 – одноклассные, 109 школ грамоты и 1 воскресная школа. Общее число учащихся в церковных школах составило 9320 человек (6246 мальчиков и 3074 девочки). Намечались положительные тенденции. Как говорилось в отчете, «открытию новых церковных школ в отчетном году благоприятствовало главным образом увеличение материальной помощи на этот предмет со стороны земства и из казенных средств»⁴⁷⁴. Успехи очевидны, но сохранялись существенные проблемы. Во-первых, ощущался «недостаток средств на открытие

⁴⁷⁰ Кукушкина Н.А. Вопросы образования и воспитания в программах светских и церковных школ в конце XIX–начале XX в. // Православие в Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 159.

⁴⁷¹ Там же.

⁴⁷² К.К. Открытие краткосрочных педагогических курсов для учителей и учительниц ц.-приходских школ Олонецкой епархии в г. Петрозаводске // ОЕВ. 1900. № 13–14 (15 июля). С. 517.

⁴⁷³ Отчет Олонецкого епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Олонецкой епархии в учебно-воспитательном отношении за 1910–11 учебный год // ОЕВ. 1911. № 36 (Приложение, с. 15).

⁴⁷⁴ Отчет Олонецкого епархиального совета о состоянии церковных школ за 1899 г. // ОЕВ. 1900. № 20 (Приложение, с. 7).

школ вновь и содержание их». От местного населения чаще всего удавалось получить лишь помещение для школы, в редких случаях — «сбор незначительной суммы на единовременный расход по приобретению необходимой школьной обстановки». Пособия от земства шли только на нужды существующих школ, а не на создание новых. Во-вторых, сохранялся заметный дефицит кадров — «недостаток благонадежных и опытных кандидатов». Между тем «по условиям края и самой учительской службы, трудной и малообеспеченной, приискать учителей для таких школ затруднительно». Наконец, в-третьих, развитию школ мешали особенности расселения: «значительная разобщенность между собой деревень, при весьма малом количестве жителей в каждой из них»⁴⁷⁵. В 1899 г. произошло некоторое сокращение численности учащихся по сравнению с предшествующим годом. Объяснение этого заключалось в неурожае: «многие дети школьного возраста должны были отправиться собирать милостыню». В некоторых случаях родители не могли прислать детей в школу из-за отсутствия необходимой одежды и обуви⁴⁷⁶.

Тем не менее епархиальная печать полна оптимистических высказываний о влиянии церковно-приходских школ на местное население. Так, в опубликованном в 1900 г. описании праздника в Ошевенском приходе подчеркивалась особая роль школы в духовном воспитании подрастающего поколения: «Здесь, близ храма Божия, устроена школа церковно-приходская учить грамоте наших отроковиц по книгам церковным и божественным, по тем книгам, по которым учились в старину наши деды, <...> учат их здесь прославлять Господа молитвами и церковными песнопениями»⁴⁷⁷. Учащиеся этих школ за счет средств попечителей нередко совершали паломничества в местные монастыри⁴⁷⁸, во время которых посещали храмы, участвовали в богослужении, общались с монахами⁴⁷⁹. В епархиальной печати подчеркивалось, что благодаря взаимодействию с земством Олонекская губерния «идет впереди очень многих губерний России», в ней «по почину земства уже разработан и приводится в осуществление план всеобщего обучения»⁴⁸⁰.

⁴⁷⁵ Там же.

⁴⁷⁶ Там же, с. 10.

⁴⁷⁷ *N.N.* Школьный праздник // ОЕВ. 1900. № 1 (1 января). С. 25.

⁴⁷⁸ *Ильинский В.* Паломничество учеников сельских школ в Ошевенский монастырь // Там же. 1900. № 12. С. 466–467.

⁴⁷⁹ Паломничество учащихся Сулажгорской церковно-приходской школы в Климецкий монастырь // Там же. 1900. № 16. С. 585–586.

⁴⁸⁰ Из жизни церковных школ // Там же. 1906. № 11. С. 441.

На рубеже XIX и XX в. отмечались положительные тенденции в отношении местного населения к школе. «В жизни церковно-приходских школ Олонецкой епархии наблюдается всем заметное отрадное явление. <...> Это все более возрастающее сочувствие к церковным школам местного населения. Сочувствие прихожан к церковно-приходской школе выражается не только в том, что они все охотнее отдают в школы этого типа своих детей <...> но и в том, что местное население в лице своих зажиточных прихожан охотно приходит на помощь церковно-приходской школе, оказывая ей значительную материальную поддержку»⁴⁸¹. Помощь школе выражалась в пожертвованиях, безвозмездной работе для ее благоустройства. Так, в 1906 г. крестьяне Лекшморецкого прихода Каргопольского уезда решили бесплатно отпустить «из своей крестьянской дачи» лес, необходимый для строительства, привезти камень, глину и песок. Узнав о решении схода, Училищный совет Синода постановил выделить деньги на строительство. Вскоре в приходе появилась, была освящена и начала работать собственная школа⁴⁸².

Заметную помощь школам, организуемым в приходах, оказывало Олонецкое земство. Так, по данным за 1912 г., земство предоставляло стипендии воспитанницам Юргильской женской школы, утвердило план снабжения всех школ Лодейнопольского уезда «проеекционными фонарями и световыми картинами». Вытегорское, Каргопольское, Пудожское и Повенецкое земские собрания увеличивали финансирование церковно-приходских школ⁴⁸³. В ряде других публикаций подчеркивались положительные эмоции, связанные со школой, щедрая помощь в организации церковных праздников со стороны местного купечества. Так, в проведении праздника в Сулажгорской школе «живое участие» принял попечитель школы купец М. А. Лейманов. Он «пожертвовал для детей много подарков, разного рода гостинцев, чаю, сахару и кренделей». Другой попечитель этой же школы помог литературой: купец Ф.И. Тихонов «прислал для раздачи детям ученикам 30 книжек разного содержания, одобренных цензурою»⁴⁸⁴. Из публикаций

⁴⁸¹ Местная епархиальная хроника // ОЕВ. 1900. № 23. С. 819.

⁴⁸² *Крылов И.* Постройка здания Боровской церковно-приходской школы и освящение его // Там же. 1906. № 21. С. 796.

⁴⁸³ Доклад Олонецкого епархиального наблюдателя церковных школ, священника Александра Крупкина // Там же. № 34. С. 563–564.

⁴⁸⁴ *Вишневский И.* Детский праздник в Сулажгорской церковно-приходской школе // Там же. 1907. № 3. С. 111.

видно, что церковно-приходские школы превращались в центры благотворительности. Так, петербургский купец В.Т. Максимов пожертвовал в пользу Намоевской церковно-приходской школы Петрозаводского уезда 20 полушубков, 20 пар сапог для мальчиков, 13 полусапожек для девочек и другую детскую одежду⁴⁸⁵. Некоторые благотворители шли дальше: благодаря их усилиям школы получали новые здания. Так, в Виданском приходе новую школу построил св. Иоанн Кронштадтский⁴⁸⁶, в Кенозерском приходе помещение для приходской школы предоставил торгующий крестьянин А.Ф. Нечаев⁴⁸⁷.

В это же время церковно-приходская школа стала оказывать существенное положительное воздействие на состояние образованности приходского духовенства. Как отмечалось в отчете о состоянии епархии за 1900 г., «побуждение к самообразованию духовенства находит, между прочим, и в том, что в каждом приходе в настоящее время имеются школы, где оно обязано законоучительствовать или учительствовать»⁴⁸⁸. Для подготовки полноценных педагогических кадров из числа работающих в церковных школах священников организовывались краткосрочные курсы. На них педагогов обучали природоведению и географии, а также руководству церковными хорами, которые, как признавало епархиальное начальство, в целом находились в удручающем состоянии⁴⁸⁹.

Подведем итоги главы.

Внимание законодателей к проблемам приходской жизни отнюдь не ограничивалось вопросами строительства церкви и обеспечения белого духовенства. Как пишет И. Знаменский, екатерининское правительство видело одну из своих задач в том, «чтобы сделать духовную власть сообщницею и послушным орудием в достижении политических целей и общественных выгод»⁴⁹⁰. Указы, призванные ограничить участие священно- и церковнослужителей

⁴⁸⁵ От Олонецкого Епархиального Училищного совета // ОЕВ. 1900. № 5. С. 154.

⁴⁸⁶ *Островский Д.* Село «Видана», с. 461.

⁴⁸⁷ *Макаров Н.А.* Кенозерский приход Пудожского уезда Олонецкой губернии в XVI—начале XX в. // Поморские чтения по семиотике культуры. Архангельск, 2006. Вып. 2. С. 330.

⁴⁸⁸ РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 1850, л. 30 (Отчет о состоянии Олонецкой епархии за 1900 г.).

⁴⁸⁹ Открытие педагогических курсов для учащихся церковных школ епархии // ОЕВ. 1906. № 14. С. 541—542.

⁴⁹⁰ *Знаменский И.* Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. М., 1880. С. 59.

в крестьянских делах, ужесточение исповедного контроля, подробная регламентация всех вопросов, связанных с совершением таинства брака – все перечисленные меры были направлены на решение этой задачи. Это вполне рациональные решения. Но все же ситуация, сложившаяся в древности и сохраняющаяся в XVIII, а отчасти в XIX в. и в начале XX в., парадоксальна. Священник, на которого правительством возлагались надежды, оставался униженным и зависимым от прихожан. Но, будучи лишен самостоятельности в имущественных вопросах, церковник получал значительные права в решении тех проблем, где переплетались светские и церковные аспекты приходской жизни: в проведении «брачных обысков», выявлении «потаенных раскольников» т.п. Это противоречие не замечено исследователями прихода. Между тем оно – одно из определяющих для понимания всех казусов приходской жизни.

Ситуация требовала от прихожан ответных мер на попытки правительства поставить под свой контроль приходское духовенство. Трудно сказать, было ли скудное обеспечение духовенства и, самое главное, способ предоставления руги и земли обусловлены лишь скупостью прихожан или это продуманная политика, направленная на то, чтобы предельно усугубить зависимость клира от «мирской» воли. Вероятнее всего, имело место и то и другое. Но чаще всего только прихожане контролировали все вопросы, связанные с обеспечением белого духовенства. «Мирские люди» приобретали широкие возможности воздействия на церковников. Весь этот потенциал сполна реализовался в таких вопросах, как, например, явка на исповедь. Известно, что прихожане, по каким-либо причинам не желающие исповедоваться, за небольшую плату легко могли этого избежать. Еще одним проявлением вынужденной включенности духовенства в дела крестьянского «мира» стало участие в светских делах крестьян. Священно- и церковнослужители, невзирая на правительственный запрет, продолжали «прикладывать руки» к документам, составленным мирянами. Существенным проявлением позиции церковников стало их участие в крестьянских волнениях на стороне бунтарей.

Борьба между центральной властью и прихожанами за контроль над клиром прослеживается и в требоисполнении. Известно, что таинство брака, крещение младенцев, погребение по православному обряду расценивались самими прихожанами как необходимые и для спасения души, и для адаптации индивида к существующим в Российском государстве порядкам. Этому отчасти способствовал контроль со стороны судебных органов. Такой же

церковно-государственный надзор был призван обеспечить явку на исповедь. Здесь он не достиг успеха. Гораздо важнее иное: в полной мере заявлял о себе контроль со стороны самих прихожан. Наряду с бдительным оком пастырей «в приходской действительности была допустима практика контроля за поведением и морально-нравственным обликом пастырей со стороны прихожан»⁴⁹¹. Сами прихожане усердно контролировали друг друга, особенно в брачных вопросах. Изучая требоисполнение и внебогослужебное общение, невозможно не заметить, что позиции законодателей и прихожан, т.е. противостоящих сторон, во многом совпадали. Так, на стабильном исполнении церковных треб настаивали и те и другие. И законодательство, и приходская традиция допускали участие духовенства в далеких от церковных, сугубо «мирских» вопросах. Будучи поставлено перед выбором, духовенство лавировало между прихожанами и властью. Ситуация осложнялась непрерывным процессом адаптации к новым условиям, внешним факторам, которые постепенно вызревали в изучаемый период. О них речь пойдет ниже.

⁴⁹¹ Камкин А.В. Традиционные крестьянские сообщества Европейского Севера России в XVIII в.: Автореф. ... докт. ист. наук. М., 1993. С. 32.